

Морозов Михаил Абрамович

Мои письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Абрамович М.**
Мои письма / Морозов Михаил Абрамович – М.: Книга по Требованию, 2026. –
263 с.

ISBN 978-5-519-97475-2

ISBN 978-5-519-97475-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вмѣсто предисловія.

Я долго думалъ — издавать или не издавать мои письма. Не то чтобы я боялся осужденія — нѣтъ! — Но все-таки какое то смутное, неясное чувство шептало мнѣ, что не зачѣмъ лишній разъ подвергаться брани и ругани. За мой этюдъ о „Карлѣ Пятомъ“ и за книгу „Спорные вопросы западно-европейской науки“ меня рѣзко и безпощадно осудили. По правдѣ сказать, я ждалъ подобнаго отношенія, но все-таки было грустно. Особенно неприятно было читать мнѣ статьи одного фельетониста. Боже мой, какъ онъ старался, чтобы доказать мою глупость! И я понималъ, почему онъ такъ старается... По крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ фельетона, я по-

лучилъ письмо отъ одного прежняго пріятеля. сдѣлавшагося моимъ врагомъ. „Милостивый Государь!“ гласило это письмо. „Если Вамъ скажутъ, что я подкупилъ Z, чтобы онъ написалъ противъ Васъ, то этому не вѣрьте“, или что-то такое въ этомъ же родѣ. И я многое понялъ послѣ этого письма, и мнѣ стало жалко фельетониста. Онъ разбиралъ мою книгу о „Карлѣ Пятомъ“ и „Спорные вопросы западно-европейской науки“, будучи совершенно несвѣдущимъ въ исторіи и, если бы вы знали, какъ онъ старался, какъ онъ передергивалъ мои слова. Напримѣръ я, въ моей книгѣ „Спорные вопросы“, неодобрительно отозвался о Сеппѣ, въ книгѣ же „Карлъ Пятый“, я укоряю г. Аѳанасьева, что онъ о Сеппѣ вовсе не знаетъ. Кажется, здѣсь нѣтъ противорѣчія? Мой же критикъ объявилъ, что я укоряю г. Аѳанасьева за то, что онъ отрицательно отнесся ко взгляду Сеппа, а самъ же Сеппа ругаю... Не знать вовсе, т. е. взглядъ, высказанный Сеппомъ, приписывать другому, какъ это дѣлаетъ г. Аѳанасьевъ, или отрицательно отнестись къ Сеппу—неужели это одно

и то же? Я слишкомъ уважалъ себя, чтобъ отвѣчать этому фельетонисту. Да и потомъ, какъ возражать противъ того, что я купецъ, и родители мнѣ оставили состояніе—обстоятельства, которыя считались критикомъ тяжкими преступленіями съ моей стороны. Вѣдь пришлось бы въ полемикѣ въ концѣ-концовъ доказывать, что деньги—вещь, сама по себѣ, можетъ, очень хорошая, можетъ, очень плохая, но до писательства никакого отношенія не имѣющая, что лучше имѣть деньги, оставленные по наслѣдству, чѣмъ растрачивать чужія, что лучше быть купцомъ, чѣмъ лишеннымъ правъ состоянія, что лучше писать о Карлѣ Пятомъ, чѣмъ фигурировать въ грязномъ процессѣ. Повторяю, изъ чувства нравственной брезгливости я не могъ возражать этому фельетонисту, но все-таки мнѣ было больно... Зато другія критики меня утѣшили. Особенно мила была замѣтка въ іюньской книжкѣ „Наблюдателя“. Меня тоже осуждали за „Карла Пятаго“, но обозрѣватель не прочелъ его. Я, напримѣръ, указываю, что Ранке не понялъ событій въ Сербіи въ 1876—77 годахъ, не

VIII

понялъ ихъ идеи, и привожу его слова, что всѣ русскіе были искатели приключеній и были пьяны сербской водкой. Эти слова—повторяю—принадлежать Ранке, а обозрѣватель вдругъ приписалъ ихъ мнѣ и укоряетъ меня въ томъ, что я держусь неправильнаго взгляда на Сербскій вопросъ.

Я только начинаю мою литературную дѣятельность; я—человѣкъ молодой (мнѣ, буду говорить откровенно, всего 23 года), и перенесу десятки подобныхъ фельетоновъ и разборовъ. Я если и упоминаю обо всемъ этомъ, то потому, что это мнѣ кажется очень характернымъ для современной русской жизни. Идетъ человѣкъ — хватъ его въ фізіономію. За что, почему? Пишетъ человѣкъ книги — какъ? по какому праву? — и давай ругаться: „наглець, пустившійся въ литературный канканъ“ или что-нибудь подобное. Помните, у Глѣба Успенскаго есть прелестный очеркъ: въ немъ изображенъ фокусникъ и пиротехникъ Ивановъ. Бѣжитъ онъ съ своей женой по улицѣ, только-что получилъ отъ откупщика деньги, чтобы выкупиться отъ военной

службы, и на радостяхъ позабылъ снять съ себя чалму и турецкій костюмъ, въ которомъ онъ давалъ представленіе. Встрѣчается прохожій: «Что?—Турки, плѣнные.—А по какому праву?» И хватъ пиротехника по самой скулѣ... Мнѣ кажется, что подобныя сцены не на одной улицѣ встрѣчаются. Это—удивительная черта русской жизни—отсутствіе всякихъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ другимъ людямъ.

И право, повторяю, мнѣ не хотѣлось печатать мои письма.

Но потомъ у меня явилось другое соображеніе. Я подумалъ, что все-таки, если и будутъ ругать въ печати, то можетъ быть, случайно, мнѣ и укажутъ на какой-либо недостатокъ. Мои письма, это—лишь первый опытъ...

Ей - Богу, господа: разберите мои письма, разругайте ихъ, выберите и меня, но будьте безпристрастны и отнеситесь ко мнѣ какъ къ писателю, а не какъ къ человѣку.

М. Ю.

15-го іюня, 1893 года.

Письмо первое.

Берлинъ, 4-го (16-го) декабря.

Уже цѣлый день я въ Берлинѣ. Поѣздъ приходитъ, какъ и прежде, рано утромъ, когда еще темно и въ омнибусѣ горятъ свѣчи. Замерзшія лужи, стукъ колесъ по молчаливой мостовой, собака въ намордникѣ, запряженная въ телѣжку, женщина въ вязаныхъ рукавицахъ, съ краснымъ лицомъ—вотъ первыя мои впечатлѣнія въ германской столицѣ. Я наскоро поѣлъ, умылся и пошелъ бродить. Жизнь большого города уже начиналась: съ грохотомъ катились телѣги, какой-то грумъ проѣзжалъ лошадь съ графской короной на попонѣ, гладко выбритые офицеры съ усами *à la chat* побрякивали саблями, шли два студента съ большими палками въ рукахъ, бѣжали толпой молодыя дѣвушки съ корзинами, папками для нотъ и ящичками отъ масляныхъ кра-

сокъ. Я нигдѣ не встрѣчалъ такой массы розовыхъ губокъ, сверкающихъ зубовъ и наивныхъ глазъ. Впрочемъ, гдѣ-же и существовать наивнымъ дѣвушкамъ, какъ не въ Берлинѣ.

Я два года не былъ въ Берлинѣ, и мнѣ кажется, что въ немъ много новаго. Увѣренно говорить, впрочемъ, боюсь. Высится новое зданіе рейхстага. Я не понимаю общаго плана этого зданія: на него больно смотрѣть, какъ на разбитое зеркало. Мѣсто потомъ какое-то странное: рядомъ кирпичное зданіе королевской французской гимназіи, какой-то татерсаль, а главное—Шпрее со своими угольными баржами и черными пароходами. Прежде такого мѣста не выбрали-бы. Офицеры не такъ стянуты, и ихъ меньше попадаетъ на улицахъ. Проѣхало нѣскольکو экипажей съ дамами въ громадныхъ шляпахъ. Берлинъ измѣнился, но въ чемъ,—не могу пока опредѣлить точно.

Я зашелъ въ національную галерею: тамъ нѣтъ ничего новаго. Все тѣ-же Вотье, Кнаусъ, Гоффманъ, сухой Галле, Беклинъ, красочный и яркій, какъ дешевый ситецъ; тотъ-же превосходный рисунокъ, рыжевато-лиловатый колоритъ обнаженнаго тѣла, тѣ-же Венеры съ Тангейзеромъ въ самыхъ

соблазнительныхъ, по мнѣнію нѣмцевъ, позяхъ, холодный трескъ триумфаторскихъ картинъ со старикомъ Вильгельмомъ въ колесницѣ, везомой бѣлыми лошадьми, литейный заводъ съ расплавленнымъ чугуномъ и красными лицами рабочихъ, а потомъ— война, война, война, въ которой нѣмцы побѣждаютъ, а французы бѣгутъ.

Кстати, по поводу войны: я еще былъ сегодня въ берлинскомъ арсеналѣ, и тамъ, честное слово, очень интересно. Громадный дворъ, покрытый стеклянной крышей; по срединѣ стоитъ большая мраморная фигура «Побѣды»; мраморная же лѣстница ведетъ наверхъ; лѣстница украшена вазами Louis XVI, но въ вазахъ насыпаны... ядра. Въ медальонахъ по стѣнамъ барельефы головъ. Глаза у нихъ закрыты, но онѣ—эти головы—раскрыли судорожно сведенные рты, и кричатъ отъ боли,—кричатъ громко, на цѣлый міръ. Это напоминаніе среди блестящихъ ружей и пушекъ объ ужасахъ войны,—право, очень симпатично. Въ верхнемъ этажѣ арсенала еще интереснѣе: полъ изъ мраморной мозаики, по стѣнамъ фрески, изображающія эпизоды главнѣйшихъ войнъ Пруссіи. Фрески—дюссельдорфской школы, рыжеваты по колориту и неудачно

скомпанованы, но нарисованы великолепно. Тамъ и сямъ стоятъ гипсовые, выкрашенные подъ бронзу (вы помните у Тургенева: «нѣмцы бережливы») бюсты главнѣйшихъ полководцевъ Пруссіи. Въ сущности—все очень мило. Вѣдь на что неинтересенъ арсеналь, а нѣмцы его облачаютъ въ такую красивую, художественную одежду. На полу арсенала изображены даже какіе-то амуры. Впрочемъ, арсеналь этотъ построенъ лѣтъ двадцать тому назадъ, а теперь... строятъ рейхстагъ на сквернопахнущемъ Шпрее.

Вечеромъ я пошелъ смотрѣть Дузэ: она теперь играетъ въ Берлинѣ. Театръ былъ полонъ, сидѣли дамы въ кружевахъ и брильянтахъ. Шла «Casa paterna» — «Heimath» Зудермана. Вы вѣдь знаете эту пьесу,—я ничего не буду говорить о ней. Дузэ все та-же: то-же усталое, пожалуй, еще болѣе усталое лицо, матовый блескъ зубовъ, протягиваніе руки указательнымъ пальцемъ впередъ, бѣлыя перчатки по локоть, которыя она постоянно вновь натягиваетъ, короткій смѣхъ въ носъ, симпатичная и жалкая улыбка. Дузэ все такъ-же быстро говорить и такъ-же оправляетъ волосы на сценѣ. Я не люблю тяжелой, искусственной простоты: въ сценахъ